Извѣстія Россійской Академіи Наукъ. 1917.
(Bulletin de l'Académie des Sciences de Russie).

П. Б. Струве.

ПРОБЛЕМА КАПИТАЛА

ВЪ СИСТЕМѢ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ,

ПОСТРОЕННОЙ НА ПОНЯТІИ ЦѢНЫ.

ПЕТРОГРАДЪ.
1917.

Извѣстія Россійской Академіи Наукъ. 1917.
(Bulletin de l'Académie des Sciences de Russie).

Пров 38°.
32

Проблема капитала въ системѣ политической экономіи, построенной на понятіи цѣны.

П. Б. Струве.

(Доложено въ засѣданіи Отдѣленія Историческихъ Наукъ и Филологіи 6 сентября 1917 г.).

Въ пятой главѣ перваго выпуска II части моей книги «Хозяйство и цѣны», трактующей о «цѣнѣ и доходахъ», было указано, что понятія дохода и капитала соотносительны. При этомъ реальное соотношеніе между доходомъ и капиталомъ не соотвѣтствуетъ тому соотношенію между ними, которое представляетъ себѣ вульгарное воззрѣніе. Послѣднее и слѣдующія за нимъ научныя системы склонны мыслить и изображать капиталъ, какъ тотъ факторъ, который производитъ доходъ. Конечно, капиталъ приноситъ «доходъ». Однако, это означаетъ лишь, что капиталомъ мы называемъ такое имущество, которому мы приписываемъ принесеніе дохода. Но это вовсе не значитъ, что доходъ рождается изъ капитала, отщепляется отъ него, имъ выдѣляется или источается. Правильно обратное представленіе: въ нѣкоторыхъ случаяхъ изъ той экономической величины, которой является доходъ, можетъ быть построена другая величина — капиталъ. Капиталъ есть учтенный или капитализованный доходъ[1]. Между доходомъ и капиталомъ существуетъ то же экономическое соотношеніе, что между цѣнностью средства (средствъ) производства и цѣнностью предмета (овъ) окончательнаго потребленія, при его

[1] Въ этомъ отношеніи мой взглядъ на капиталъ и доходъ совпадаетъ съ доктриной американскихъ экономистовъ, особенно ярко выраженной Ирвингомъ-Фишеромъ въ его основныхъ трудахъ: The nature of capital and income (New-York 1906); The rate of interest (ib. 1907), а также въ его учебникѣ: Elementary Principles of Economics (New-York 1913). Но мое пониманіе соотношенія между капиталомъ и доходомъ вдвигается въ существенно иную систематическую рамку, ибо въ основу моей экономической системы кладется фактъ и понятіе цѣны, тогда какъ американцы основоположнымъ экономическимъ понятіемъ признаютъ субъективную цѣнность, или «психическій доходъ» по ихъ терминологіи (ср. «Хозяйство и цѣна», ч. II, вып. 1, стр. 100).

(ихъ) помощи изготовляемыхъ. Цѣнность предметовъ потребленія въ конечномъ счетѣ опредѣляетъ собою цѣнность средствъ производства, ибо всякая цѣнность блага есть въ концѣ концовъ субъективная цѣнность потребленія тѣхъ лицъ, которыя нуждаются въ этомъ благѣ и его спрашиваютъ[1]. Это соотношеніе двухъ рядовъ явленій: рядъ I: 1) доходъ — 2) капиталъ; рядъ II: 1) цѣнность потребленія — субъективная цѣнность, приводящая къ установленію цѣны — 2) выражающееся тоже въ цѣнѣ производственное значеніе блага, являющагося средствомъ производства, не есть простая аналогія. Тутъ на лицо именно тождество. Оно можетъ быть прослѣжено и въ другомъ направленіи. Всякое благо разлагается такъ или иначе на услуги и всякое благо есть лишь овеществленіе услуги, причемъ цѣнность вещи сводится именно къ цѣнности оказываемыхъ ею услугъ, которыя однѣ только и имѣютъ непосредственное потребительное значеніе. Такъ развиваемая нами экономическая система строитъ слѣдующую лѣствицу понятій:

услуга, вещь } потребленіе

доходъ, капиталъ } пріобрѣтеніе.

[1] Этотъ вопросъ, впервые поставленный Джевонсомъ и Менгеромъ и ими въ выше указанномъ смыслѣ разрѣшенный, доведенъ до полной ясности Бемъ-Баверкомъ въ его полемикѣ съ Маршалломъ. Послѣдній, возражая теоретикамъ предѣльной полезности, указывалъ, что цѣнность блага опредѣляется одинаково и полезностью и издержками, и что объ этомъ такъ же нельзя серьезно спорить, какъ о томъ, какое лезвіе ножницъ рѣжетъ бумагу, верхнее или нижнее. На это Бемъ-Баверкъ совершенно правильно отвѣтилъ, что въ качествѣ равноправныхъ факторовъ можно признать не «полезность» и «издержки», а «запасъ», или «предложеніе» (покрытіе), съ одной стороны, и «потребность», или «спросъ», съ другой. Предѣльная же полезность есть уже порожденіе взаимодѣйствія этихъ факторовъ. Отсюда вытекаетъ, что принципу «предѣльной полезности» подчинена одинаково какъ цѣнность предметовъ потребленія, такъ и цѣнность средствъ производства. А опредѣляющее значеніе цѣнности первыхъ для цѣнности вторыхъ есть неизбѣжное слѣдствіе признанія того, что 1) люди оцѣниваютъ хозяйственныя блага какъ средства для своихъ цѣлей; 2) средства производства служатъ для добыванія предметовъ потребленія. «Если же между важностью цѣли и важностью средства вообще существуетъ причинная связь и она движется въ томъ направленіи, что важность цѣли опредѣляетъ важность средствъ, то прямо таки невозможно отрицать, что — въ образованіи цѣнности — причинное первенство принадлежитъ цѣнности благъ, стоящихъ ближе къ конечной цѣли—источнику цѣнности, т. е. цѣнности предметовъ непосредственнаго потребленія и вообще продуктовъ, а не цѣнности средствъ, служащихъ къ ихъ производству?» Ср. экскурсъ VIII къ Positive Theorie des Kapitales. Dritte Auflage. Innsbruck 1909—1912, Ss. 221—264. Ср. также Arthur Salz. Ueber Arbeitswert und Arbeitsleid. Eine wertkritische Studie въ Zeitschrift für Volkswirtschaft, Sozialpolitik und Verwaltung. Band XX (1911), S. 289—291.

Ѣствицѣ понятій: услуга—вещь—доходъ—капиталъ соотвѣтствуютъ двѣ основныя категоріи: потребленіе — пріобрѣтеніе. Восхожденіе отъ услуги къ вещи, отъ дохода къ капиталу характеризуетъ всю нашу систему. Въ этомъ восхожденіи выражается ея послѣдовательно проводимый психологическій функціонализмъ въ отличіе отъ матеріалистическаго субстанціализма. Основной функціей хозяйственныхъ благъ является ихъ потребляемость, сообщающая имъ въ условіяхъ ограниченнаго количества благъ цѣнность и превращающая ихъ въ цѣны. Изъ этой функціи вытекаетъ явленіе и категорія дохода, а изъ доходовъ построяются капиталы. Всѣ «субстанціи», какъ вещи, такъ и капиталы, послѣдовательно разлагаются въ процессѣ удовлетворенія потребностей на *функціи потребленія*, сами являясь лишь овеществленіемъ этихъ функцій.

Такимъ образомъ мы устанавливаемъ слѣдующее опредѣленіе капитала: капиталъ есть учтенный (= капитализованный) доходъ. Съ точки зрѣнія, намп здѣсь развиваемой, несущественными и мнимыми представляются многія разногласія и различенія, встрѣчающіяся въ теоретическихъ разсужденіяхъ о капиталѣ. Поэтому мы не имѣемъ основанія подробно ими заниматься, а разсмотримъ лишь вопросы, могущіе служить къ выясненію нашего собственнаго воззрѣнія.

Сумма денегъ есть ли капиталъ? Это зависитъ всецѣло отъ назначенія, которое ей дается. Когда мы тратимъ сумму денегъ на удовлетвореніе нашихъ потребностей, она *перестаетъ* быть капиталомъ. Когда мы несемъ ее въ сберегательную кассу или банкъ, когда мы ее тратимъ на покупку процентныхъ бумагъ, машинъ, земли, мы ее изъ просто денегъ превращаемъ въ капиталъ[1]. Но для всякаго капитала, какъ вещнаго, такъ и «бумажнаго», т. е. помѣщеннаго въ цѣнныя бумаги, характерно то, что онъ всегда можетъ быть практически выраженъ въ деньгахъ и превращенъ въ деньги. Поэтому всякія деньги, кромѣ переставшихъ быть таковыми, могутъ быть превращены въ капиталъ, и всякій капиталъ, какую бы форму онъ ни имѣлъ, кромѣ капитала, переставшаго быть таковымъ, можетъ быть превращенъ въ деньги. «Капиталъ» есть всегда цѣнность, и вещный капиталъ или его

[1] Ср. замѣчанія Лифманна: Beteiligungs und Finanzierungsgesellschaften. Iena 1909. S. 19, которыя отчасти бьютъ дальше цѣли: «Деньги сами по себѣ никогда не являются капиталомъ, употребляю ли я ихъ на полученіе предметовъ потребленія или средствъ производства или правъ на извлеченіе доходовъ (Forderungsrechte auf Ertrage). Обладаніе деньгами воплощаетъ лишь возможность — пріобрѣсти вещный капиталъ или права на извлеченіе доходовъ, такъ же точно какъ оно даетъ возможность получить предметы потребленія. Такимъ образомъ, не деньги являются капиталомъ, имъ являются лишь тѣ вещныя блага или пріобрѣтенныя права на доходы».

частицы суть тотъ же капиталъ или частицы капитала. Конечно, не всякое благо, не всякая цѣнность, не всякое богатство есть капиталъ, но всякій капиталъ состоитъ изъ благъ, представляетъ цѣнность и составляетъ богатство. Капиталъ есть богатство, поскольку оно обращается или можетъ быть по своей природѣ и по соціальному положенію своего собственника обращено на пріобрѣтеніе благъ, т. е. на извлеченіе дохода.

Капиталъ восходитъ, какъ мы уже сказали и теперь повторяемъ, къ доходу. Но капитализованъ можетъ быть не всякій доходъ. Возможность капитализаціи зависитъ отъ наличности извѣстныхъ условій экономическаго и даже правового свойства. Такъ, доходъ отъ личныхъ услугъ можетъ быть капитализованъ либо при возможности превращенія личности въ вещь — и это мы видимъ въ случаѣ рабства, которое предполагаетъ продажу людей какъ скотовъ-вещей[1] — либо при условіи комбинаціи личныхъ услугъ съ извѣстными исключительными правами и при легальной возможности отчужденія такихъ исключительныхъ правъ на предложеніе личныхъ услугъ. Капитализація вообще въ принципѣ предполагаетъ въ той или иной мѣрѣ свободное отчужденіе того «капитала», который построяется при помощи операціи «капитализаціи». Проблему капитализаціи мы разсмотримъ во всемъ объемѣ и въ исторической перспективѣ въ другомъ мѣстѣ.

Есть-ли всякое имущество капиталъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ, конечно, зависитъ отъ того, что мы будемъ называть имуществомъ. Имуществомъ мы называемъ всякую совокупность хозяйственныхъ благъ. Хозяйственное благо есть единица, имущество—совокупность. Имущество, состоящее изъ «благъ», надъ которыми уже занесенъ мечъ непосредственнаго потребленія, каковое всегда — трата, истребленіе, не есть капиталъ. Имущество же, которому не угрожаетъ такая участь, есть всегда капиталъ, поскольку оно либо своей функціей въ процессѣ пріобрѣтенія (промысла) приноситъ доходъ, либо всегда можетъ быть превращено въ деньги и затѣмъ обращено на пріобрѣтеніе. Вотъ почему «обстановка», съ точки зрѣнія ея собственника, является капиталомъ или имъ не является, поскольку она либо держится въ предѣлахъ, либо, наоборотъ, выходитъ за предѣлы извѣстнаго потребительнаго «прожиточ-

---

[1] Проблема капитала поэтому получала такія своеобразныя очертанія въ экономіи нашего крѣпостного хозяйства Ср. примѣчанія Н. Н. Муравьева къ русскому переводу А. Тэера. Основанія раціональнаго сельскаго хозяйства (ч. I, Москва 1830, стр. 25—32); И. Якубовскій (профессоръ въ Казани, а потомъ въ Кіевѣ). О капиталѣ въ сельскомъ хозяйствѣ. Журн. Мин. Нар. Просв. за 1848 г. № 12, а также замѣчанія профессора Ю. Микшевича въ статьѣ «Нѣсколько словъ о новой основѣ довѣрія. (По поводу Трудовъ Комиссіи для устройства земскихъ банковъ)» въ «Ученыхъ Запискахъ Казанскаго Университета» за 1862 г.

наго минимума» (Existenzminimum). Съ точки же зрѣнія посторонняго лица, напр. кредитора, всякая обстановка, на которую можетъ быть обращено взысканіе, есть капиталъ. Поэтому-то обстановка богатыхъ людей является капиталомъ и чѣмъ она роскошнѣе и изысканнѣе (а она тѣмъ роскошнѣе и изысканнѣе, чѣмъ больше она составлена изъ предметовъ рѣдкости), тѣмъ большій капиталъ она составляетъ, хотя бы съ точки зрѣнія «имущественнаго обложенія» она и не разсматривалась какъ имущество.

Вообще одна и таже совокупность благъ можетъ являться или не являться капиталомъ, въ зависимости отъ положенія хозяйствующаго субъекта, ея собственника, владѣльца или распорядителя, т. е. то, что для одного хозяйствующаго субъекта есть капиталъ, можетъ не быть имъ для другого. Такъ заработная плата, которую выплачиваетъ предприниматель (предпріятіе), есть его капиталъ, пока она, какъ говорится, «входитъ въ его оборотный капиталъ», т. е. пока она не выплачена, и она сама по себѣ не составляетъ капитала для рабочихъ, хотя рабочіе изъ нея и теоретически могутъ, и на практикѣ иногда дѣлаютъ сбереженія, обращаемыя въ приносящій доходъ капиталъ. Приведемъ еще одно сопоставленіе для иллюстраціи нашей мысли. Уставленный множествомъ яствъ и питей столъ въ домѣ хлѣбосольнаго хозяина есть для него совокупность предметовъ непосредственнаго потребленія, такой же столъ на вокзалѣ желѣзной дороги для содержателя станціоннаго буфета представляетъ часть его капитала, совершающаго свой «оборотъ».

Такимъ образомъ, мы можемъ установить, что какъ всякое благо можетъ стать хозяйственнымъ, если на него накладывается клеймо цѣны или продажности[1], такъ же точно всякое хозяйственное благо или всякая совокупность благъ можетъ стать капиталомъ (или элементомъ капитала), разъ оно обращается или можетъ быть обращено на «пріобрѣтеніе», т. е. на реализацію цѣнностныхъ разностей, иначе говоря, разъ оно служитъ къ извлеченію дохода[2]. Сказаннымъ выясняется вопросъ о такъ называемомъ народно-хозяйственномъ или соціальномъ капиталѣ. Эта категорія основана на универсалистической фикціи, подъ множество хозяйствующихъ субъектовъ «системы хозяйства» подставляющей единаго совокупнаго хозяйствующаго субъекта, хозяйствующее общество или общество-хозяйство. Съ этой универсалистической фикціей естественно связано натуралистическое представленіе о капиталѣ, какъ о вещныхъ средствахъ производства, независимо

[1] См. опредѣленіе хозяйственнаго блага въ книгѣ «Хозяйство и цѣна» ч. II, вып. 1, стр. 43—46.

[2] Понятіе «пріобрѣтенія», какъ основная экономическая категорія, разъяснено тамъ-же стр 24—29.

отъ ихъ цѣнностно-денежнаго выраженія существующихъ, какъ таковыя, какъ средства производства. Поскольку мы рядомъ съ системой хозяйствъ, которое составлено изъ сингулярныхъ хозяйствующихъ субъектовъ, мыслимъ или пытаемся еще мыслить общество, какъ единаго универсальнаго хозяйствующаго субъекта, постольку различеніе частнаго и народно-хозяйственнаго капитала логически неизбѣжно, но и только. Вотъ почему вполнѣ логично у Бемъ-Баверка проводится отождествленіе соціальнаго капитала съ производительнымъ или производственнымъ, причемъ подъ производствомъ Б. Баверкъ понимаетъ всю дѣятельность, направленную на обслуживаніе потребностей общества, а подъ капиталомъ — вещный субстратъ этой дѣятельности, т. е. тѣ вещи, которыя не идутъ въ непосредственное потребленіе. Мы уже указывали[1], что все обслуживаніе потребностей обозначать наименованіемъ производства нѣсколько странно, но съ такой терминологіей, пожалуй, можно помириться. Однако, Бемъ-Баверкъ относитъ къ соціальному капиталу, кромѣ средствъ производства въ широчайшемъ смыслѣ[2], изъ которыхъ онъ совершенно нелогично, однако, исключаетъ землю[3], еще находящіеся у производителей и торговцевъ торговые запасы непосредственныхъ предметовъ потребленія и деньги, указывая, что

---

[1] Ср. «Хозяйство и цѣна» ч. I, вып. I, глава первая.

[2] Ср. всю главу (IV Abschnitt) «Sozial- und Privat Kapital» въ «Positive Theorie des Kapitales». Dritte Auflage (Innsbruck 1909), Ss. 123 u. ff., въ особенности Ss. 130—131.

[3] Изъ нашего опредѣленія и капитала и хозяйственнаго блага логически вытекаетъ подведеніе земли подъ понятіе капитала. Это пониманіе въ настоящее время господствуетъ, съ одной стороны, въ опирающейся на сельскохозяйственную практику экономіи сельскаго хозяйства, которая занимается проблемами капитализаціи ренты и оцѣнки земель (Эребэ, Ваттерстрадтъ, Лауръ и др.), съ другой стороны, послѣдовательно проводится нѣкоторыми изъ самыхъ вліятельныхъ въ новѣйшее время экономическихъ направленій, а именно американцами съ Дж. Б. Кларкомъ и Ирвингомъ-Фишеромъ во главѣ, и швейцарской школой Валраса-Парето. Изъ старыхъ экономистовъ-систематиковъ такой взглядъ на землю проводилъ мюнхенскій академикъ Ф. Б. В. Германнъ (котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ петербургскимъ академикомъ, статистикомъ К. Ѳ. Германномъ) въ своихъ «Staatswirtschaftliche Untersuchungen» (1832), наиболѣе «современномъ» изъ систематическихъ трактатовъ первой половины XIX вѣка по политической экономіи; изъ нѣмецкихъ писателей его предшественниками въ этомъ отношеніи были Канкринъ. Weltreichtum, Nationalreichtum und Staatswirtschaft. Munchen, 1821 и Оберндорферъ. System der Nationalökonomie Landshut 1822, а также Фульда. На той же точкѣ зрѣнія стояли Лун Сэ, Торренсъ и лордъ Брумъ. Ср. Александръ Чивилевъ. О народномъ доходѣ. Разсужденіе, написанное для полученія степени доктора философіи. Москва 1837. стр. 12 — 13. Чивилевъ, товарищъ А. В. Никитенко и учитель С. М. Соловьева, профессоръ Московскаго Университета, первый, кажется, въ русской литературѣ высказалъ взглядъ на землю какъ капиталъ. Съ нимъ согласенъ его преемникъ по московской каѳедрѣ И. В. Вернадскій (въ 1856 г. ради Петербурга, какъ Чивилевъ въ 1849 г., оставившій Москву). Ср. его «Проспектъ политической экономіи». Спб. 1858, стр. 22: «земля въ хозяйственномъ отношеніи должна быть принимаема какъ капиталъ».

продукты, не доставленные еще непосредственному потребленію, и деньги, какъ орудіе торговли, входятъ въ процессъ производства. Въ поясненіе этого напомнимъ, что, по мнѣнію Бемъ-Баверка, «коммерческіе обходные пути» (die kommerziellen Umwege) столь же, а можетъ быть еще выгоднѣе (для всего общества), чѣмъ прочіе техническіе «обходные пути» производства. Бемъ-Баверкъ прибавляетъ еще, что запасы продуктовъ, съ точки зрѣнія техники производства готовые, но еще не доставленные потребителямъ, будутъ существовать и въ коллективистическомъ народномъ хозяйствѣ (in der gemeinwirtschaftlichen Volkswirtschaft) и что въ такомъ хозяйствѣ врядъ-ли можно будетъ обойтись безъ какихъ-либо генерическихъ, деньгоподобныхъ чековъ (generische geldartige Anweisungen) на полученіе распредѣляемыхъ обществомъ продуктовъ. Это, конечно, вѣрно, но въ то же время нельзя согласиться съ тѣмъ, чтобы такіе переходящіе запасы благъ непосредственнаго потребленія и чеки на ихъ полученіе въ коллективистическомъ обществѣ можно и слѣдовало бы относить къ «производительному» капиталу даже въ смыслѣ самого Бемъ-Баверка. Впрочемъ, это вопросъ не столько экономической теоріи, сколько раціональной постановки счетоводства въ коллективистическомъ обществѣ; а для рѣшенія такого вопроса мы въ сущности не имѣемъ нужныхъ реальныхъ предпосылокъ, ни психологическихъ, ни иныхъ.

Если же мы исключимъ изъ соціальнаго капитала, какъ его понимаетъ Бемъ-Баверкъ, деньги и не дошедшіе до потребителя запасы предметовъ потребленія и включимъ въ него землю, то мы получимъ понятіе капитала въ натуральномъ смыслѣ, или натуральнаго (иначе вещнаго) капитала. Такимъ образомъ, внутри общаго понятія капитала мы можемъ различать: 1) капиталъ натуральный, или вещный и 2) капиталъ денежный. Подъ денежнымъ капиталомъ мы разумѣемъ одинаково какъ деньги, такъ и всякаго рода другія бумажныя цѣнности.

Это есть для капитала основное различеніе. Капиталъ это — блага, назначенныя не на непосредственное потребленіе, а на полученіе дохода и выступающія передъ нами въ двоякой формѣ — натуральной и денежной. Поскольку эта мысль присутствуетъ въ извѣстномъ, проводимомъ Кларкомъ, различеніи «капитальныхъ благъ» и «капитала»[1], послѣднее можетъ быть поддерживаемо. Но простое и плодотворное различеніе капитала натуральнаго (вещнаго) и капитала денежнаго возводится у Кларка въ какую то

[1] Ср. John Bates Clark. The distribution of Wealth. New-York. Изд. 1908 Chapter IX: Capital and Capital-goods contrasted (pp. 116—140).

метафизику, не только безплодную, но и прямо вводящую въ заблужденіе[1].

Нельзя, однако, не признать, что различеніе капитала натуральнаго (вещнаго) и капитала денежнаго (бумажнаго) ставитъ экономическую науку передъ сложнѣйшей проблемой, трудности которой, если не оправдываютъ, то объясняютъ ту метафизику или мистику капитала, которую создалъ Кларкъ.

Въ проблемѣ денежнаго капитала передъ нами выступаетъ самая сложная и трудная для эмпирически-реалистическаго изслѣдованія сторона проблемы денегъ. Деньги (какъ металлическія, такъ и бумажныя) и другія бумажныя цѣнности я предлагаю объединить въ единомъ понятіи, которому можно дать наименованіе — *отсылочныя блага.* Понятіе это, на мой взглядъ, теоретически весьма существенно и плодотворно. Напомню, что хозяйственное благо опредѣляется мною какъ всякое благо, которое (въ силу относительной рѣдкости, ему присущей) несетъ на себѣ знакъ или клеймо цѣнности. Все, что имѣетъ цѣну и таковую можетъ реализовать, постольку и является хозяйственнымъ благомъ.

Среди хозяйственныхъ благъ различаютъ блага потребительныя и блага производственныя (производительныя, капитальныя). Было совершенно справедливо указано, что эта систематика не включаетъ денегъ[2], которыя лишь совершенно искусственно, съ величайшей натяжкой могутъ быть трактуемы какъ производственныя блага. Вотъ почему, если признавать деньги за хозяйственное благо, отрицаніе чего приводитъ со всякой точки зрѣнія прямо къ нелѣпымъ выводамъ, а съ нашей — прямо невозможно, то необходимо ввести третій основной видъ хозяйственныхъ благъ, рядомъ съ потребительными и производственными, а именно, обмѣнныя, или оборотныя, которыя я предлагаю въ отличіе отъ натуральныхъ, или первичныхъ именовать *благами отсылочными*, или вторичными. Главнымъ представителемъ ихъ являются деньги. Деньги это — блага, служащія для осуществленія непрямого обмѣна, т. е. являющіяся орудіемъ обращенія и, въ силу этого, естественно и неизбѣжно исполняющія роль платежнаго (солюціоннаго) средства. Всякія блага, исполняющія эту двуединую функцію, представляютъ деньги. Таково послѣдовательно проведенное функціональное пониманіе денегъ, какъ особаго явленія въ ряду хозяйственныхъ благъ. Деньги, технически являясь всегда обратимыми въ любую непосредственную полезность, всегда «отсылаютъ» къ

---

[1] Ср. критику Бемъ-Баверка въ его этюдѣ: Zur neuesten Literatur uber Kapital und Kapitalzins. Wien u Leipzig 1907, Ss. 4—21

[2] Мизесъ (Ludwig von Mises. Theorie des Geldes und der Umlaufsmittel. Munchen u. Leipzig 1912, Ss. 70 u. ff.) вслѣдъ за Книсомъ.

другимъ полезностямъ, т. е. къ другимъ хозяйственнымъ благамъ, имѣющимъ потребительное и производственное значеніе, т. е. къ благамъ натуральнымъ. Въ этомъ заключается функція названныхъ благъ, почему ихъ можно и слѣдуетъ называть именно «отсылочными» благами. Поскольку такая «отсылка» совершается безпрепятственно и непрерывно, отсылочныя блага и ихъ главныя разновидности, деньги и бумажныя цѣнности, не являющіяся деньгами, въ своей оцѣнкѣ опредѣляются по крайней мѣрѣ нѣкоторыми изъ тѣхъ общихъ моментовъ, подъ дѣйствіемъ которыхъ слагается вообще цѣнность хозяйственныхъ благъ. Но когда механизмъ отсылки разстраивается, — въ оцѣнку денегъ и бумажныхъ цѣнностей вторгается новый элементъ, моментъ довѣрія или недовѣрія. «Отсылочный» характеръ денегъ и бумажныхъ цѣнностей обусловливаетъ то, что будучи хозяйственными благами, они въ то же время не просто стоятъ рядомъ съ благами потребительными и производственными, а какъ бы находясь въ другой съ ними плоскости, ихъ въ ней дублируя и къ нимъ непрерывно отсылая, *противостоятъ* натуральнымъ благамъ. Отъ натуральныхъ благъ отсылочныя блага отличаются своимъ производнымъ, или вторичнымъ характеромъ, придающимъ имъ, въ случаяхъ нарушенія безпрепятственнаго и непрерывнаго хода работы механизма «отсылки», гораздо большую хрупкость и прекарность, доходящую въ крайнихъ случаяхъ до полной призрачности. Но пока эта работа не нарушена, деньги и бумажныя цѣнности представляютъ вовсе не призраки и даже не тѣни натуральныхъ благъ, а такія же равноправныя со всѣми другими товарами хозяйственныя блага, роль которыхъ къ тому же въ процессѣ хозяйственной жизни весьма велика, ибо деньги и «ликвидныя», благонадежныя бумажныя цѣнности суть блага, наиболѣе легко обратимыя и потому экономически наиболѣе гибкія и въ нормальное время самыя прочныя. Въ очерченномъ нами соотношеніи между натуральными и отсылочными благами заключается вся сложность явленій денегъ и денежнаго капитала. Эти явленія, повторяемъ, не суть просто призрачныя удвоенія или тѣни натуральныхъ хозяйственныхъ явленій, какъ часто склонно ихъ трактовать вульгарное сознаніе и даже научное размышленіе. Но въ то же время мы должны признать, что натуральнымъ благамъ въ силу ихъ натуральнаго, или непосредственнаго характера несомнѣнно принадлежитъ извѣстное первенство, я бы сказалъ *бо́льшая подлинность*, которая даетъ себя знать съ полной ясностью, когда въ экономической жизни наступаютъ нарушенія нормальнаго равновѣсія между двумя «системами», системой «натуральной» и системой «отсылочной». Такія сильнѣйшія нарушенія переживаетъ почти весь міръ въ нашу эпоху великой войны съ ея прогрессирующимъ оскудѣ-

ніемъ натуральной системы и ненормальнымъ, прямо болѣзненнымъ вздутіемъ системы отсылочной. Здѣсь въ этомъ процессѣ приматъ принадлежитъ именно факту оскудѣнія натуральной системы, и потому сигнатурой военнаго хозяйства является не столько фактъ обезцѣненія денегъ, сколько фактъ повышенія товарныхъ цѣнъ, коренящійся въ оскудѣніи натуральныхъ рессурсовъ и, въ особенности, живой силы общества. Обезцѣненіе денегъ болѣзненно именно тѣмъ, что въ немъ выражается это натуральное оскудѣніе[1].

Деньги отсылаютъ къ непосредственнымъ, неотсылочнымъ благамъ, бумажныя цѣнности либо черезъ деньги, либо непосредственно — къ капиталамъ, построяемымъ изъ благъ, составляющихъ доходы.

Бумажныя цѣнности особенно ясно отражаютъ на себѣ тотъ основной фактъ, что капиталы построяются изъ доходовъ методомъ капитализаціи. Акціи промышленныхъ предпріятій отражаютъ въ своей цѣнѣ колебанія въ дѣйствительной или предположительной доходности этихъ предпріятій[2], причемъ на этомъ явленіи, какъ и на явленіи образованія земельныхъ цѣнъ, обнаруживается съ полной ясностью несостоятельность теоріи процента на капиталъ, принадлежащей Бемъ-Баверку. Эта теорія несостоятельна потому, что въ основу построенія капиталовъ изъ доходовъ въ экономической дѣйствительности кладется всегда не прошлая и настоящая доходность, а доходность будущая, т. е., въ прямое опроверженіе реальнаго смысла теоріи Бемъ-Баверка, *будущія блага оцѣниваются выше, чѣмъ настоящія*. Этотъ характеръ капитализаціи можно назвать ея *проспективностью*. Такая проспективность капитализаціи или положенной въ ея основу оцѣнки можетъ достигать и фактически иногда достигаетъ чудовищныхъ размѣровъ, но въ извѣстныхъ предѣлахъ она составляетъ общее правило. Капиталы, которые идутъ въ работу, оцѣниваются не по ихъ настоящей, а по ихъ будущей цѣнности[3], и притомъ по общему правилу къ этому проспективному харак-

---

[1] Поскольку мы видимъ въ реальной экономической жизни двѣ системы благъ, натуральную и отсылочную, и признаемъ за послѣдней нѣкоторую относительную самостоятельность, мы можемъ принять извѣстное Кларково различеніе между «капиталомъ» и «капитальными благами». Только въ такомъ истолкованіи оно теряетъ тотъ метафизическій и мистическій характеръ, на который указываетъ Бемъ-Баверкъ. Нельзя однако не признать, что именно сложное, сплетающееся со всей психологіей денежнаго обращенія и трудно поддающееся раціонализаціи, соотношеніе между натуральной и отсылочной системами способно порождать мистическія представленія.

[2] Ср. W. Prion. Die Preisbildung an der Wertpapierbörse. Leipzig 1910.

[3] Это одинаково ясно сказывается въ построеніи и земельныхъ капиталовъ (цѣнъ на землю) и капиталовъ промышленныхъ (промышленныхъ цѣнностей). О первыхъ см. классическій трудъ Fr. Aereboe. Die Taxation von Landgütern und Grundstücken Berlin 1912· «Der Ertragswert ist ein Ausdruck der geschätzten zukünftigen Ertragsfähigkeit der Landgüter» (S. 196). О промышленныхъ цѣнностяхъ см. выше цитированное сочиненіе В. Пріона.

теру оцѣнки присоединяется болѣе или менѣе значительная «оптимистическая надбавка»[1]. Поскольку въ современной экономической жизни дѣйствительно производится оцѣнка *будущихъ* хозяйственныхъ благъ, она происходитъ *проспективно*. Полученіе же процента на капиталъ, которое Бемъ-Баверкъ относитъ на счетъ болѣе высокой оцѣнки настоящихъ благъ сравнительно съ будущимъ, эта проблема не есть вовсе какая-либо самостоятельная или своеобразная проблема, съ точки зрѣнія экономической системы, построенной на понятіи цѣны. Съ этой точки зрѣнія, люди потому уплачиваютъ процентъ на занимаемый ими капиталъ, что иначе, безъ этого условія, въ виду ограниченности хозяйственныхъ благъ, никто имъ не сталъ бы ни въ какой формѣ уступать ни натуральныхъ, ни отсылочныхъ благъ, которыя по общему правилу находятся въ частнохозяйственномъ обладаніи[2]. Этого основанія достаточно для бытія процента на капиталы, но если нужны еще другія основанія, то въ качествѣ перваго изъ таковыхъ можно было бы привести указаніе на соотношеніе, обратное тому, которое утверждаетъ Бемъ-Баверкъ. Это дѣйствительное соотношеніе сводится къ тому, что будущія блага, по цѣлому ряду мотивовъ, оцѣниваются выше, чѣмъ блага настоящія — одинъ изъ этихъ мотивовъ подъ наименованіемъ «большей прибыточности обходныхъ путей производства» выдвинулъ самъ же Бемъ-Баверкъ, не понявъ однако его значенія, съ теоріей лажа не совмѣстимаго.

Идея болѣе высокой оцѣнки настоящихъ благъ въ сравненіи съ благами будущими или отсроченными, идея лажа на настоящія блага, есть идея вознагражденія за воздержаніе отъ непосредственнаго потребленія. Эта идея приложима къ тѣмъ случаямъ, когда хозяйствующій субъектъ отказывается отъ немедленнаго потребленія благъ въ пользу ихъ позднѣйшаго, или отсроченнаго потребленія. Другими словами, концепція лажа имѣетъ смыслъ для объясненія психологіи сбереженія, когда происходитъ выборъ между двумя возможностями: сейчасъ же потребить благо или сберечь его для отдаленныхъ цѣлей. Однако сбереженіе, какъ указываютъ теоретики воздержанія, предполагаетъ болѣе высокую оцѣнку не настоящихъ,

---

[1] Ср. остроумныя замѣчанія объ этомъ у Л. І. Петражицкаго «Акціи, биржевая игра и теорія экономическихъ кризисовъ» (Спб. 1911), которому принадлежитъ самый терминъ.

[2] Какъ правильно указываетъ Н. Н. Шапошниковъ (Теорія цѣнности и распредѣленія. Критическое изслѣдованіе о новѣйшихъ теченіяхъ въ экономической теоріи. Москва 1912, стр. 125), самъ Бемъ-Баверкъ вынужденъ признать, что процентъ на капиталъ долженъ возникнуть уже въ силу того, что спросъ лицъ, добивающихся производительнаго кредита, больше предложенія настоящихъ благъ, и они поэтому согласны дать процентъ за капиталъ или уплатить лажъ на настоящія блага.

а именно будущихъ благъ. Но примѣнимо ли понятіе лажа, или «time-value» къ явленію не сбереженія, а займа? Разсмотримъ прежде всего потребительный заемъ. Человѣкъ, совершающій потребительный заемъ и соглашающійся уплачивать по нему процентъ, дѣлаетъ это не потому, что онъ пудъ муки или 100 рублей въ настоящій моментъ оцѣнивалъ бы выше, чѣмъ пудъ муки или 100 рублей черезъ годъ или иной какой-нибудь срокъ, а потому, что у него нѣтъ ни такого, ни вообще какого-либо иного выбора. А человѣкъ, который заключаетъ производительный заемъ, если и выбираетъ въ какомъ-либо смыслѣ между настоящимъ и будущимъ благами, то въ основѣ этого выбора лежитъ калькуляція, оцѣнивающая будущія блага, причитающіяся заемщику къ полученію, болѣе благопріятно, чѣмъ настоящія блага, эквивалентъ которыхъ ему долженъ возмѣстить въ будущемъ. Тотъ, кто отдаетъ блага въ заемъ, тоже производитъ такую оптимистическую для видовъ своего контрагента калькуляцію, и на ней утверждаются реально его притязанія на полученіе процента за ссужаемыя блага. Такимъ образомъ оцѣнки при актѣ сбереженія, вращающіяся въ «внутрихозяйственной» сферѣ и подчиненныя началу субъективной цѣнности, и оцѣнки при отдачѣ благъ въ заемъ, представляющія явленія «междухозяйственныя» и основывающіяся на учетѣ (калькуляціи) цѣнъ, одинаково предполагаютъ обратное тому, что требуетъ теорія лажа.

Мнѣ, пожалуй, могутъ возразить, что я употребляю въ данномъ случаѣ понятіе будущаго блага не въ томъ смыслѣ, какой связываетъ съ этимъ терминомъ теорія лажа. Скажутъ, что, наоборотъ, лицо, получающее деньги въ заемъ для производительныхъ цѣлей, цѣнитъ въ нихъ возможность немедленной затраты въ производительную операцію, т. е. цѣнитъ ихъ именно какъ настоящія блага. Предприниматель, получающій ссуду, оцѣниваетъ выше не будущія блага, а возможность превратить данное количество настоящихъ благъ въ большее ихъ количество по истеченіи извѣстнаго срока. Но въ такомъ случаѣ я скажу, что понятіе «будущихъ благъ» становится нереальнымъ, почти неуловимымъ, и вся концепція сводится къ ученой варіаціи на тему пословицы о синицѣ въ рукахъ, которая дороже журавля въ небѣ.

Въ самомъ дѣлѣ на столь же элементарномъ разсужденіи основана концепція лажа. Она сводится какъ бы къ противопоставленію двухъ точекъ зрѣнія: 1) той, которая лежитъ въ основѣ предпочтенія, оказываемаго настоящимъ благамъ передъ будущими; 2) противоположной, стоя на которой человѣкъ прозираетъ въ будущее и оказываетъ этому будущему предпочтеніе передъ настоящимъ. Для непосредственнаго наблюденія надъ человѣческой психикой, т. е. для эмпирически-психологическаго ученія о цѣнности

(«аксіологіи»), *объ эти точки зрѣнія отличаются одинаковой степенью общности.* Такимъ образомъ и изъ психологическаго ученія о субъективной цѣнности или, какъ говорятъ американцы, психическомъ доходѣ нельзя вывести «монистической» теоріи процентъ на капиталъ, объясняющей это экономическое явленіе болѣе высокой оцѣнкой благъ настоящихъ сравнительно съ будущими. Эта теорія, самымъ авторитетнымъ представителемъ которой въ Европѣ являлся не такъ давно скончавшійся президентъ Вѣнской Академіи Наукъ Бемъ-Баверкъ и которую раздѣляютъ многіе очень выдающіеся американскіе экономисты, есть монистическое упрощеніе дѣйствительности, на самомъ дѣлѣ весьма далекое отъ подлиннаго реализма и настоящей эмпиріи.

«Процентъ, сумма по договору уплачиваемая однимъ лицомъ другому за кредитъ, оказываемой въ формѣ денегъ — говоритъ одинъ изъ самыхъ яркихъ представителей этой теоріи, американскій экономистъ Франкъ Феттеръ — есть лишь одно изъ выраженій болѣе широкой проблемы, а именно разницы въ настоящей цѣнности благъ въ два (различныхъ) періода времени». Нашъ авторъ называетъ эту разницу «time-value». «Time-value is the difference between the values of things at different times». Всѣ случаи этой «time value» могутъ быть сведены къ типичному случаю сравненія одной и той же вещи въ различныя эпохи. И, развертывая понятіе time-value, Феттеръ раздвигаетъ его далеко за предѣлы политической экономіи. «Проблема цѣнности во времени (time value) объемлетъ безразсудныя наслажденія, расточительность и порокъ. Экономика часто соприкасается съ границами этики. Если бы надлежало формулировать экономику личнаго поведенія, въ ней навѣрное слѣдовало бы отвести много мѣста сравненію между настоящими и будущими наслажденіями. Предусмотрительность, или благоразуміе есть добродѣтель распознаванія не только будущихъ опасностей, которыхъ надлежитъ избѣгать, но и тѣхъ болѣе сильныхъ наслажденій, къ которымъ слѣдуетъ стремиться въ обмѣнѣ на настоящія (present) наслажденія. Легкомысленный и расточительный человѣкъ недооцѣниваетъ будущее и отдаетъ все ради того, чтобы удовлетворить импульсъ даннаго момента. Пьяница жертвуетъ надеждами на достойную жизнь для радостей попойки. Веселое общество, которымъ человѣкъ пользуется цѣной недосыпанія, насчетъ своего здоровья, которое портится, и своего характера, который развращается, суть займы, которые молодые расточители за растовщическіе проценты дѣлаютъ у будущаго. Если бы никто не уплачивалъ бы больше, чѣмъ умѣренный процентъ, за удовлетвореніе своихъ настоящихъ (present) причудъ и побужденій, бо́льшая часть больницъ, аптекъ и медицинскихъ учебныхъ заведеній закрылась бы и половина, если не всѣ тюрьмы, опустѣли бы.

Въ самомъ дѣлѣ цѣнностная разность, обусловленная временемъ, есть универсальное явленіе жизни и поведенія. Договорный процентъ есть лишь одна изъ формъ выраженія цѣнности во времени (time-value), а эта послѣдняя въ свою очередь есть лишь одна изъ фазъ цѣнности вообще»[1].

Изъ этого любопытнаго разсужденія явствуетъ именно та общность понятія «time value», о которой мы говорили выше. «Предпочтеніе» можетъ направляться какъ въ сторону «настоящихъ», такъ и въ сторону «будущихъ» благъ, и куда оно направится, зависитъ отъ конкретныхъ условій даннаго случая. Если Феттеръ утверждаетъ далѣе, что установленіе (the fixing) учета (discount), примѣняемаго къ будущимъ благамъ, въ существѣ своемъ подобно установленію рыночной цѣны благъ непосредственнаго потребленія, то онъ именно игнорируетъ свои собственныя разсужденія, только что нами цитированныя. Ибо своеобразіе обмѣна настоящихъ благъ на будущія состоитъ въ томъ, что обмѣниваются блага не разнородныя, а однородныя, и все вниманіе сосредоточивается на моментѣ времени, или отсрочки, который разными субъектами оцѣнивается весьма различно. Если же въ современномъ обществѣ одинъ человѣкъ обычно «ссужаетъ» другого благами за плату, то это объясняется имманентной ограниченностью, или относительной рѣдкостью хозяйственныхъ благъ, какъ таковыхъ. Въ этомъ моментѣ, создающемъ на рынкѣ «настоящихъ» благъ совершенно опредѣленное соотношеніе между спросомъ и предложеніемъ, заключается, какъ мы уже указывали, единственное основаніе явленія процента, дѣлающее его неизбѣжнымъ. Широкое же распространеніе процентныхъ ссудъ всецѣло опредѣляется тѣмъ, что спросъ на капиталъ движется энергіей предпринимателей, могущихъ на основаніи опыта увѣренно расчитывать, что «будущія» блага въ цѣнностномъ отношеніи превзойдутъ «настоящія» и тѣмъ самымъ ихъ окупятъ, т. е. объясняется именно проспективной, всегда оптимистической, оцѣнкой будущихъ благъ сравнительно съ настоящими[2].

---

[1] Frank A. Fetter. The Principles of economics. New-York 1907. Chapter 17. The theory of time-value, pp. 141—151. Любопытно слѣдующее заключительное противопоставленіе «time-value» и ренты: «Time-value is here understood to be that all-pervading difference in the values of uses and gratifications of wealth at different points of time. A comparison of the value of momently appearing uses of wealth is the rent problem. Here are, therefore, very different aspects of the value problem. The rent conception is earlier grasped by men, is nearer in point of logic; the concept of time-value has only recently been clearly recognized. If men lived only in the moment, they would be concerned only with rent; living in the future also, they are constantly regulating their acts with reference to time-value» (p. 151).

[2] Т. н. «оптимистическая надбавка», какъ мы указали, присоединяется къ этой нормальной «проспективности» въ оцѣнкѣ будущихъ благъ.